

Отец

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ольга Брюс

18+

Ольга Брюс

Отец

«Автор»

2024

Брюс О.

Отец / О. Брюс — «Автор», 2024

Мальчик Вова с самого детства не понимал, почему у одних детей отцы добрые, а ему достался злой. Мечтая, что папа когда-нибудь изменится, Володя представлял его в рыцарских доспехах и с мечом в руке. Но, когда Вова вырос, то папа остался прежним. Пришло время отдать ему должное за то, как он относился к собственному сыну и жене, которая умерла, потеряв здоровье из-за постоянных скандалов.

© Брюс О., 2024

© Автор, 2024

Ольга Брюс

Отец

Илья с грохотом подвинул к себе стул и уселся рядом с сыном, который невольно поежился, почувствовав привычную угрозу, которая исходила от отца. Тот ничего не заметил и потянул на себя учебник, лежавший на столе:

– Ну, что тебе там задали, оболтус, давай показывай!

– Вот, задача по математике и еще два упражнения по русскому языку, – кивнул мальчик на зеленую тетрадь в шуршащей обложке.

Илья усмехнулся, покосившись на Володю:

– Ну, русский ты и сам сделаешь, должно же у тебя хоть на что-то мозгов хватить! А математику помогу, так уж и быть, я по ней в школе первый был!

Володя с изумлением посмотрел на папу:

– А мама говорила, что ты в школе перебивался с двойки на тройку.

– Поговори мне! – звонкий подзатыльник отозвался молниеносной болью во всем теле мальчика, и он быстро зажмурился, чтобы не заплакать. – Много мать твоя болтает! Придет домой, получит у меня. А ты запомни, наглец, я в классе был самым умным, просто подлизываться не любил, вот учителя мне за это оценки и занижали. А так учился я хорошо! Ну что ты уставился на меня? Какую тут задачу тебе решить нужно?

– Вот эту, про яблоки, – робко прошептал мальчишка и невольно втянул голову в плечи, боясь нового удара.

– Та-а-ак, м-гм, – Илья пробежал глазами по странице. – Ну, тут все должно быть понятно даже такому неумному, как ты. Читай условие задачи, а я пока посмотрю, что там по телеку показывают. Через пять минут приду, проверю.

– Пап, но я не умею сам, – проговорил Володя и добавил торопливо: – Со мной мама всегда сидит.

– И что, она за тебя задачи решает? – насмешливо спросил отец.

– Нет, мы вместе читаем задачу, потом я пересказываю её и говорю, как её надо решать. Если все правильно, мама меня хвалит, а если нет, просто сама все объясняет. А когда я напишу, она проверяет.

Илья жестким пальцем постучал по лбу сына:

– Вот тут у нормальных людей есть мозги. А у тебя там пусто, слышишь звук какой. Что по столу постучать, что по твоей голове. Сам, наверное, должен соображать, не маленький уже! Или совсем глуп?

– Мама говорит, что я мальчик умный, – робко возразил отцу Володя.

– По горшкам дежурный! – оборвал сына Илья. – Вот и решай задачу сам, а я посмотрю, какой ты на самом деле, умный или глупый.

Володя снова втянул голову в плечи, ожидая нового подзатыльника, но отец даже не посмотрел на сына. Он прошел к дивану и, развалившись перед телевизором, принялся почесывать волосатый живот, выглядывающий из-под майки. Время от времени он что-то громко комментировал, ругаясь то на ведущего новостей, то на выступающих политиков, и каждый раз, слыша окрик отца, Володя невольно вздрагивал и ниже склонялся над учебником.

Прошло полчаса. Задача с яблоками никак не хотела решаться и Володя, намучившись с ней, тихонько подошел к отцу:

– Па-а-ап, а пап!

Илья, не желая отвлекаться от начавшегося детектива, даже не повернулся к сыну.

– Пап! – в голосе мальчика послышались жалобные нотки.

Илья поморщился и, наконец, взглянул на него:

– Ну чего тебе еще?

Володя вздохнул:

– У меня не получается математика. Там... задача... а я их... не умею.

– Не уме-е-ю! – плаксивым голосом передразнил его отец. – Вот же неуч! Что ты вообще умеешь? Жрать да спать? Конечно, на это ты горазд. Неси сюда учебник. Что там за задача?

– Про яблоки. Я такие не решал, поэтому не знаю. Мне всегда мама помогает. Она объясняет хорошо и понятно.

Последние слова мальчик практически прошептал, потому что знал, отец в любую секунду может рассердиться на него. Особенно Илью раздражало, когда сын сравнивал его с матерью, тем самым принижая его достоинство как отца.

– Сели на мою шею и ножки свесили, – грубо одернул Илья Володю. – Только и слышу: помоги, сделай, дай. Достали уже.

Мальчик всхлипнул. Мама никогда не разговаривала с ним в таком тоне, она вообще была для него источником света, ласки и хорошего настроения.

Илья это не видел и не ценил. И жену, и сына он считал ничтожными, ничего не значащими людьми, которые не понимают тонких струн его души. Конечно, Ольге повезло, что она нашла хорошо оплачиваемую должность, а вот ему, Илье, это пока не удавалось. Все равно, кормилец в семье – это он, потому что муж в семье голова, а кто больше зарабатывает, это не так уж и важно.

Илья хмуро взглянул на часы: Ольга уже должна была вернуться с работы, но в последнее время то и дело задерживалась там. Отчеты у них или что еще, Илью волновало мало, жена обязана находиться дома, в конце концов, он не нанимался выполнять её обязанности. Сама приучила Вовку делать уроки вместе с ней, вот пусть и делает. А у него и своих дел хватает. Вон, фильм хороший начался, он давно хотел его посмотреть.

Вовка всхлипнул снова, и раздражение тугой волной стало подниматься внутри Ильи. С трудом сдерживаясь, он буркнул сыну:

– Ладно, не ной! Ну что встал? Пошли! Только чтоб по-быстрому все сделал! Давай, читай задачу!

– У Ва-си и Пе-ти, – начал мальчик неуверенно.

Илья взглянул на сына:

– Это что, ты еще по слогам читаешь? До сих пор? Совсем что ли? – прикрикнул он на мальчика. – Куда мать-то твоя смотрит? Первый класс уже, а ведешь себя как трехлетка. Да я в твои годы из библиотеки не вылезал и читал всегда лучше всех. Ай, кому я все это рассказываю! Глупостина кусок!

Легкий подзатыльник не причинил Володе боли, но комок обиды подступил к его горлу. Мальчик опустил голову и часто заморгал, чтоб отец не увидел слез, моментально наполнивших глаза.

– Читай дальше! – рявкнул Илья. – Чего засопел-то? Заной еще!

– Я не ною. Просто глаз потер, – мальчик шмыгнул носом и снова взял в руки учебник.

Отец посмотрел на сына:

– Да-а-а, жалкое создание мы с матерью народили! Родина ждет героев, а рождаются всякие неучи. В кого такая мямля растешь? – задумчиво проговорил Илья и вдруг прикрикнул на сына: – Да читай ты уже! Долго мне еще ждать?

Мальчишка торопливо вытер рукавом глаза и снова приступил к чтению, но, уже стараясь соединять слова и не делить их на слоги.

– У Васи и Пети – пять яблок. Три яблока Петя отдал Васе. Сколько яблок осталось у Пети?

– Ну и? – усмехнулся Илья. – Что тут решать-то?

– Я не понимаю, как это сделать, – мальчик поднял голову и посмотрел на отца в надежде, что тот ему сейчас все объяснит. Но вместо этого Илья побагровел от гнева:

– Голову свою включай. Пять яблок было! Понимаешь, пять!!! Потом он отдал яблоки, сколько у него осталось? Что нужно сделать? Ну? Отнять или прибавить? Решай, я сказал! И в кого ты таким уродился! Не иначе, как в мать! Она тоже никогда считать путем не умела!

Володя лихорадочно пытался выполнить действие, но, слушая крики отца, еще больше путался, и теперь уже совсем ничего не понимал. А перед глазами мелькала картинка из учебника, на которой перед двумя улыбающимися мальчиками лежали румяные яблоки. Володя вдруг вспомнил, что совсем недавно мама принесла ему с работы точно такое же яблоко: спелое, ароматное и просто огромное.

– Мама, где ты взяла такое? – изумленно хлопнул он длинными, как у девчонки, ресницами.

– Я шла домой, – улыbnулась мама, – смотрю, бежит рыжая лисичка. Остановила меня и говорит: «Передайте вашему зайчику яблочко. Он у вас такой славный малыш!»

– Мама, – рассмеялся Володя, с наслаждением кусая хрустящий розовый бок яблока. – Ну скажи правду!

– Я всегда говорю правду, сынок! – улыbnулась мать и поцеловала его в макушку.

А вот отец никогда не старался порадовать сына. Даже сейчас, вместо того, чтобы помочь ему, он просто кричал, осыпая мальчика всевозможными оскорблениями.

– Было пять яблок! – красный от гнева отец возвышался над сыном, тяжело дыша ему в лицо. – Пять! Пя-я-ть! Петя отдал три яблока. Спрашивается: сколько теперь у него осталось яблок?

– Три... – повторил вслед за ним испуганный мальчик, глядя в его распахнутый рот. Сердце ребенка колотилось так, будто хотело выпрыгнуть из груди. А Илья продолжал наседавать на сына:

– Вообще мозгов нет? Было пять! Отдал три! Сколько осталось яблок у этого растяпы Петьки?

– Не зна-а-аю, – через силу выдавил из себя мальчик и торопливо увернулся от взлетевшей руки отца.

– Ты совсем? – продолжая, вскочил с места тот. – В задаче спрашивается: сколько осталось яблок? Вовка! Лучше не зли меня!

Нового подзатыльника Вове избежать не удалось.

– Я долго буду ждать? Было пять яблок, три Петька отдал Ваське. Сколько яблок у него осталось? Ну?

– Три?

Стул с грохотом отлетел к стене, Илья схватил сына за шею и несколько раз ткнул его лбом в раскрытый учебник:

– Два! Два! Два яблока! Допёрло?! Два-а-а!!!

От страха Володя чуть не потерял сознание, но отец уже отпустил его, поставил на место стул и направился к телевизору, бросив через плечо:

– Пиши решение, двоечник! Потом приду, проверю. Довел все-таки, паразит! Чтоб тебя наизнанку вывернуло вместе с твоими яблоками!

Через минуту в кухне хлопнул холодильник, потом раздался короткий стук, и что-то звякнуло, ударившись о кафельный пол. Володя догадался, что это отец открыл бутылку о край стола, потому что не хотел искать открывашку. И хотя мама просила его так не делать, он её совсем не слушал, а на столе появлялись все новые и новые зарубки и царапины.

Володя тихонько вздохнул и покосился на окно, за которым уже совсем стемнело. Ну когда же придет мама? Почему она сегодня не забрала его из школы сама? Зачем попросила отца сделать это?

Володя вспомнил, как сжалось и заняло его сердце, когда он понял, что встречать его пришел папа. Но, воодушевленный удачным днем, он все-таки торопливо вышел к нему, на ходу застегивая куртку.

– Пап, а меня сегодня похвалили. Я лучше всех выполнял упражнения на физкультуре и стихотворение рассказал с выражением. Лидия Анатольевна поставила мне в дневник настоящую пятерку!

– Боже мой, какое достижение! – усмехнулся отец. – Я в твои годы уже коней сам объезжал, а ты говоришь – упражнения.

– А как это «коней объезжал»? – заинтересованно спросил Володя. Он был поражен тем, что отец спокойно разговаривает с ним, не требует, чтобы он замолчал и не обзывает неприятными словами.

– Это значит, учил их ходить под седлом. Эх вы, потерянное поколение, – махнул рукой Илья. – Ничего не знаете! Кто из вас только вырастит! Хуже стада баранов.

Володя замолчал. Илья тоже не говорил ни слова, но мальчик, решив, что это прекрасный момент наладить с папой отношения, вдруг попросил его:

– Папа, расскажи мне сказку!

От неожиданности Илья даже приостановился:

– Сдурел, что ли? Какие сказки? Тебе сколько лет?

– Семь, – сообщил Володя, удивленный, что папа забыл про это.

– Вот и я о том же! – возмутился Илья. – Какие сказки? Тебе же не три года. Уже скоро девчонок тискать надо будет, а тебе все сказки подавай!

– Как это тискать? – округлил глаза Володя и тут же получил от отца подзатыльник:

– Поговори мне... Сказочник...

Володя сразу сник. Он никого не хотел тискать и вообще ему нравились сказки. Мама всегда рассказывала ему их по дороге в школу или домой. Вот уже несколько раз они даже сами их придумывали. А еще они пели и смеялись, рассказывали друг другу как прошел день или обсуждали, что будут делать вечером. Всегда это было по-разному, но очень-очень интересно.

Раскрепощаясь, Володя превращался в обычного мальчика, чисто произносил самые трудные звуки и почти не путался в словах. Ольга рассказывала об этом мужу, говорила, что все это делает по рекомендации школьного логопеда, но Илья пропускал её слова мимо ушей: не хватало еще, чтобы он тратил свое время на такую ерунду. И вообще, о чем он может разговаривать с семилетним мальчиком? О том, как Петрович, напарник Ильи, спер две трубы и импортный смеситель, а его вычислили и заставили заплатить за кражу в двойном размере? Или о том, что Илью опять прокатили с премией и отдали её «лучшему сантехнику» конторы Семену? Это сильно взбесило Илью, потому что у него всегда вызовов было больше, чем у Семена, и с любой сантехникой, даже с самой мудреной он был, что называется, на ты. Конечно, премия была копеечная, завидовать там было нечему, но сам факт того, что признание получил не он, сильно ранило самолюбие Ильи. Он считал себя лучшим во всем и никогда не уставал самоутверждаться за чужой счет. Вот только возвеличиваться и показывать себя у него получалось или среди друзей-лентяев, которые мечтали только о том, как бы выпить пивка, или дома, издеваясь над женой и сыном.

Как-то к Илье пришел сосед, чтобы вместе с ним посмотреть футбол. Не обращая внимания на Володю, они потягивали пиво, разбрасывая по полу чешую сушеной рыбы, и громко спорили о том, сколько зарабатывают футболисты и вообще спортсмены. Потом перешли к своим собственным зарплатам.

– Мужик на то и мужик, что он обеспечивает свою семью, – доказывал Илье Олег. – Вот я пашу день и ночь, чтоб Верка моя ни в чем не нуждалась. А ей, стерве, все мало и мало. В санаторий, говорит, хочу. Или на море! А я что, Рокфеллер?

– Правильно, – сжимал кулак Илья. – Бабы, они вот где должны быть! Я своей Ольке сразу показал, где её место. И сказал, чтоб она оттуда носа не высовывала.

– Не-е-ет! – мотал головой из стороны в сторону Олег. – Твоя Ольга – молодец-баба! Она зарабатывает больше тебя. Значит, она главнее. Ей бы характера добавить и все! Загнала бы она тебя под каблук.

– Меня-я-а? – налились кровью глаза Ильи. – Да я её!

Илья с такой силой хлопнул ладонью по столу, что бутылка подпрыгнула и перевернулась, и пиво тут же потекло на пол. Олег поставил бутылку на место:

– Ты что, сосед? Глянь, какая теперь лужа на паласе.

– Мой палас! – крикнул Илья. – На мои деньги купленный. Значит, что хочу, то и буду с ним делать. Жена придет, пусть моет! И место свое знает! – Он снова сжал кулак и поднес его к носу Олега: – Вот они у меня где!

Тот спорить не стал, а когда пиво закончилось, ушёл к себе домой. Вскоре вернулась из магазина Ольга и протянула выбежавшему к ней сыну шоколадку:

– Я принесла тебе гостинчик, солнышко мое, – сказала она ему, ласково поцеловав в макушку.

Илья тоже вышел к жене и нахмурился, взглянув на счастливое лицо сына:

– А с чего это ты без спросу тратишь мои деньги?

– Потому что мама главная, – вдруг заявил Володя, вспомнив слова дяди Олега. – Она больше тебя зарабатывает!

– Что-о-о? – от полученной оплеухи Володя отлетел к стене, шоколадка выпала из его рук и Илья тут же наступил на нее, превратив в грязную кляксу. Ольга кинулась к сыну и, прижав к себе, увела в комнату, а потом вернулась к мужу, плотно закрыв за собой дверь детской.

Слушая крики отца и плачущий голос оправдывающейся матери, Володя четко запомнил одно правило: при отце всегда нужно держать язык за зубами, иначе будет плохо. Особенно маме. Её-то мальчик жалел больше, чем себя. И любил тоже больше всех. Но отец ведь тоже не был ему чужим человеком, и Володя старался хоть как-то сблизиться с ним, показать свою любовь и однажды дожидаться от него ласки и добрых слов. Вот, как у одноклассника Юры. Его всегда из школы забирал папа, они весело спешили друг к другу навстречу, обнимались, а потом шли к машине. Однажды Володя даже услышал, как Юра спросил у своего отца:

– Чем ты сегодня занимался, пап?

И тот принялся оживленно рассказывать что-то, наверное, очень смешное, потому что Юрка, услышав его ответ, заливисто расхохотался. Володя тоже решил попробовать это со своим отцом и поинтересовался у него, потянув за рукав:

– Пап, а чем ты сегодня занимался?

– В смысле – чем? – отрываясь от собственных мыслей, резко ответил Володе отец. – Работал! Пока ты в своей школе штаны протираешь, отец батрачит! Чтоб тебя, дармоеда, одеть и обувь!

Володя уже приготовился услышать добрый ответ отца и рассмеяться, совсем как Юрка, чтобы хоть на минутку почувствовать себя рядом с папой спокойным и счастливым, но его злобный окрик заставил смех мальчика застыть на губах.

– Чему ты лыбишься? – искоса взглянул на него Илья. – Я что, сказал что-то смешное?

– Нет, – семилетний мозг старательно искал хоть какую-то возможность направить разговор с отцом на что-то хорошее, но ничего не находил. Тогда Володя спросил снова:

– А что мы с тобой сейчас будем делать?

– Снимать штаны и бегать! – отрезал отец, обрывая разговор. – Как будто ты не знаешь, что уроки надо учить! Мать твоя непутевая опять на своей треклятой работе задержится, требует, чтобы я тебе помогал! Вот скажи, ты что, такой тупой, что не можешь самостоятельно домашку сделать? Мне никогда никто не помогал! Я учился сам! Без помощи!

– Я тоже сам, а мама просто сидит рядом и проверяет, что я сделал, – попытался оправдаться мальчик, но снова нарвался на грубость.

– Эх ты, маменькин сынок! Тьфу, смотреть противно!

Подойдя к оживленной трассе, Володя предпринял последнюю попытку почувствовать тепло и защиту отца. Он подошел к нему ближе и тихонько взял его за руку, но тот вырвал ее так резко и быстро, будто его ужалила пчела.

– Что ты лезешь ко мне?

– Мама меня никогда на дороге одного не оставляет, – мальчик доверчиво посмотрел папе в глаза. – Мы всегда за руку переходим!

– О, господи! – воскликнул Илья. – Вот слюняй! Это ж надо! Семь лет, а через дорогу его мама за ручку переводит! Стыдобище!

– Мама говорит, что я маленький еще и не должен через дорогу переходить сам! – начал оправдываться Володя перед отцом, но тот перебил его:

– Что ты все заладил: мама, мама, мама! Ты себя в зеркало видел, разве ты маленький? Я в твои годы уже на рыбалку один ездил и все дела по дому делал, бабушке твоей помогал! А ты все за материну юбку держишься!

– А почему ты маленький все дела делал, а сейчас ничего не делаешь? Я думал, что ты не умеешь, – искренне произнес ребенок, пытаясь понять позицию отца.

Илья нахмурился, но тут же усмехнулся и нравоучительно произнес:

– А я тебе не баба, веником размахивать или посуду мыть. Я мужик! И ничем твоей матери не обязан! А вот она мне должна. Так всегда было и всегда будет. Мужчина – добытчик, а за всем остальным смотрит его жена. И вообще, какого лешего тогда жениться, если по дому сам все должен делать?

Володя задумался:

– Но бабушке же ты помогал.

– Так она мне не жена, а мать! – начал терять терпение Илья. – Она – главное всех. А жена – бесполезное существо, придаток мужа. Родителей уважать нужно и во всем слушаться.

– Я маму слушаюсь! – торопливо проговорил мальчик. – И помогаю ей.

– Ну и радуйся! Такой же, как она, уродился, малахольный! – отец махнул рукой на сына и крупными шагами быстро зашагал домой.

Володя не понял последних слов отца и хотел переспросить его, но очень скоро отстал, потому что ноги устали от слишком быстрой ходьбы, дыхание сбилось, а тяжелый портфель так тянул плечи, будто был набит камнями.

– Пап! – позвал Володя, – понеси немножко мой портфель.

– Ага, сейчас, все брошу, – усмехнулся Илья и прибавил шаг.

Когда они поднялись в квартиру, Илья сразу же развалился на диване, а Володя переоделся и умылся, потом отправился на кухню.

На плите ничего не было, зато в холодильнике на верхней полке стояла кастрюля с супом, который мама варила вчера вечером. Мальчик потянулся к ней, но не достал. Тогда он подвинул табуретку и забрался на нее, только ножка у нее предательски хрустнула, и мальчик поторопился спрыгнуть на пол, чтобы не упасть. Вздыхнув, Володя направился к отцу и встал перед ним, загородив собой экран телевизора. Илья тут же одернул его:

– Отойди, что встал как вкопанный? Не видишь что ли, я передачу смотрю!

– Пап, я есть хочу, – сказал ему сын.

– Ну и что, с ложечки тебя кормить? – усмехнулся Илья. – Иди на кухню и ешь, мать там суп оставила. Мясо я съел, колбасу тоже, а остальное можешь есть, сколько влезет.

– Я не могу кастрюлю достать, она высоко. Я уроню и разолью, – тихо проговорил Володя.

– Да достал ты меня уже! – прикрикнул на сына Илья. – Никакого покоя от тебя нет! Хлеб в пакете, лук в ящике, сало бабушка передала. Отрежь и жри, а от меня отстань, в конце концов.

Но Володя даже не сдвинулся с места:

– Я не люблю лук и сало, – тихо сказал он. – Мне тогда плохо было и тошнило, когда я поел его.

– Ну и ходи голодным, – отмахнулся от сына отец и сдвинул брови: – Ну! Что еще?

Володя ничего не сказал, вернулся на кухню, отломил маленький кусочек хлеба, сел к окну и стал смотреть, как нахохлившиеся воробьи нехотя перелетают с ветки на ветку.

Горечь и обида наполняли душу мальчика. Почему ему так не повезло с отцом? Володя часто видел, как папы других ребят встречают их после школы. Крепко обнимают, берут за руку, идут, весело болтая, домой. И у Юры такой папа. Володе нравились рассказы друга о том, как они иногда заходят на площадку, и там Юркин отец показывает сыну «класс» – подтягивается на турнике или делает переворот.

Володя слушал эти истории, но сам о таком и не мечтал. Он просто не мог представить, что его папа тоже может так делать. Однажды Володя смотрел какой-то фильм про мальчика, у которого отец был военным летчиком. Он часто уезжал из дома, но когда возвращался, в семье начинался самый настоящий праздник. Большой и сильный, мужчина играл со своим сыном, шутил и шалил с ним втайне от мамы. Они вместе гуляли, катались на каруселях и велосипедах, а когда сын уставал, папа сажал его к себе на плечи и так нес до самого дома. А потом он не вернулся домой из очередной командировки. Его сын не плакал, он долго перебирал их с папой фотографии и подарки, который тот всегда привозил, и просто стоял у окна, поджидая его.

Володя не плакал, он рыдал и никак не мог успокоиться. Мама, которая в это время была вместе с ним, не могла понять, что произошло с её сыном, а он всей душой жалел бедного погибшего чужого папу и до конца фильма ждал, что тот вдруг, каким-то чудом, вернется домой. Но чуда не произошло. В жизни вообще не бывает чудес, и Володя это давно понял.

– Ну что с тобой, маленький мой? – мать присела с ним рядом и прижала к себе.

– Я не хочу такого папу, я хочу другого, военного, – прошептал Володя.

Мама в ответ только улыбнулась:

– Ну что ты, сынок, нам не нужен другой папа. Наш тоже хороший, просто строгий и очень устает на работе.

Володя вздохнул и покачал головой. Он-то точно знал, что это не так. Вот и сейчас он жевал сухой хлеб только потому, что отец не захотел подняться с дивана и помочь ему с кастрюлей.

– Ну и ладно, ну и пусть, – подумал мальчик, но в это время отец показался на пороге кухни.

– Ну что насупился, как сыч? – бросил он сыну, открыл холодильник и достал оттуда бутылку пива. Потом потянулся за кастрюлей: – На, ешь, и за уроки. Живо чтоб у меня!

Разогреть суп Володя не стал и ел его холодным, невкусным, с плавающими кусочками противного жира. Но снова обращаться к отцу за помощью было выше его сил. И все-таки сделать это пришлось, потому что задача с яблоками показалась ему такой сложной.

Володе вдруг вспомнился папа-летчик из фильма, добрый, спокойный и заботливый. Он бы обязательно помог своему сыну, если бы у того возникли какие-то трудности. Но Илья совсем не был на него похож. Сначала он долго кричал на Володю и отвечивал ему подзатыльниками, а потом ткнул его несколько раз лбом в учебник и ушёл смотреть телевизор, считая, что вполне выполнил свой отцовский долг.

Еще около часа мальчик сидел на стуле, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить задремавшего на диване отца, но когда услышал щелчок дверного замка, тихонько вышел в прихожую.

– Почему ты так долго не приходила? – спросил он входящую маму, не пряча печальных глаз.

Ольга сразу заметила это:

– Ну что ты, маленький мой? Что с тобой случилось?

– Я задачу не смог решить, про яблоки. Я не понял, а папа ругался на меня, – вздохнул мальчик.

– А где он сейчас? – нахмурилась мать.

– Спит, – махнул рукой мальчик в сторону комнаты.

– Володенька, хороший мой, – мама обняла его и как всегда поцеловала в теплую макушку, – сейчас я быстро переоденусь, мы поужинаем и сделаем уроки. Не переживай. Лучше посмотри, что я тебе принесла.

– Торт?! – от восторга мальчик даже подпрыгнул на месте.

– Да, медовый. Твой любимый. На, носи его на кухню. А я пока поговорю с папой.

Володя кивнул. Теперь, когда мама была рядом, он чувствовал себя спокойным и защищенным. Мальчик прислушался к тому, что происходило в гостиной:

– Я же просила тебя, Илья, – говорила мужу Ольга, – неужели так трудно... ты же знаешь, я на работе, у нас конец месяца и я физически не успеваю...

Голос её звучал то тише, то громче, и Володя не мог разобрать все её слова. Зато, когда загремел отец, он услышал все.

– Достала ты меня своими нравами! – кричал Илья. – Ни днем, ни ночью от вас покоя нет. Я что, не имею права отдыхать после работы? Может быть, мне еще юбку прикажешь надеть? Нет, ну в самом деле, один вечно ноет, вторая гундит! Свалились на мою голову, уселись и ножки свесили. Кого ты вообще воспитываешь? Беспомощного слизняка, который ни дорогу перейти не может, ни пожрать без чужой помощи? Да ты хоть знаешь, что с такими в армии делают?

– А ты откуда это знаешь? – спросила мать. – Ты же в армии не служил, насколько я помню.

– Ну и что?! – еще больше повысил голос отец. – Зато я мужик! Мужик, понятно! А ты воспитываешь слюнтяя! Смотреть противно! Вот где он сейчас? Опять ноет?

Володя сжался от страха. Ему показалось, что отец сейчас ворвется в комнату, схватит его и будет трепать как в тот раз, когда к нему пришли друзья, такие же бездельники и пьяницы, как он сам. Вообще, пить Илья стал не так давно, но зато сразу очень сильно. Он напивался в каких-то гаражах, а Ольга на себе тащила его оттуда, дома раздевала и укладывала спать. Володе было очень противно даже заходить в комнату, когда пьяный отец, открыв рот, спал там, распространяя вокруг себя отвратительные запахи. Но еще хуже было, если он устраивал застолья у себя дома.

Грязь, мусор, опустошенный холодильник, звякающие бутылки и громко орущие незнакомые люди превращали их квартиру в настоящий свинарник, так говорила мама, когда потом пыталась навести порядок.

Володя страшно боялся пьяных людей, а отца – больше всех. Особенно ему запомнился недавний вечер, когда папа устроил у себя очередную попойку, пока жены не было дома. Володя сидел в своей комнате и не высовывал оттуда носа, боясь попасться отцу на глаза. Даже когда ему понадобилось в туалет, он не решился покинуть своего убежища и терпел, надеясь, что компания скоро разойдется. Вот только вместо этого на пороге комнаты появился отец:

– Пошли! – кивнул он взлохмаченной головой на дверь.

– Куда? – сжался и задрожал от страха мальчик.

Не отвечая, отец схватил его за плечо и выволок из комнаты.

– Что-то он у тебя какой-то мелкий, в мать что ли пошел? – захохотали его собутыльники. – Или в соседа?

Володя, округлив глаза, смотрел в их искаженные от хохота рты и чувствовал, как голова идет кругом.

– Стих расскажи, – потребовал от него отец. – Ну? Как там? М-м-м, э-э-э... Крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха: «Что такое *хорошо* и что такое *плохо*?»

– Крошка сын... – повторил Володя и вдруг его глаза наполнились слезами, а горло сдавил предательский спазм и слово «сын» прозвучало совсем тихо.

– Дай ему воды попить, – сказал кто-то, – или вот, пивка свеженького.

Володя замотал головой, но отец уже поднес к его губам отвратительно пахнувший стакан:

– Ну, мужик ты или нет? Да пей, не бойся, мы мамке ничего не скажем!

Через силу мальчик сделал несколько глотков противной, горькой жидкости и оттолкнул стакан.

Пиво расплескалось на пол, и Илья тут же влепил сыну звонкую оплеуху. Слезы брызнули из глаз мальчика, а по ногам потекла теплая струйка. Слишком долго он терпел, и вот теперь физиология сделала свое дело.

Отец округлил свои белесые, немного навывкате глаза, когда увидел растекавшуюся под сыном лужу.

– Ах ты ссуль! – завопил он, схватил его за шиворот и толкнул в туалет. Не удержавшись на ногах, Володя упал и ударился об унитаз, а отец захлопнул за ним дверь с такой силой, что она чуть не сорвалась с петель.

Мальчик сел на пол и обхватил колени руками. Он не сводил взгляда с двери, боясь, что вот сейчас она распахнется и тогда...

Сколько он так просидел, Володя не знал, но когда мать вернулась с работы, она тут и нашла его, спящим прямо на полу. Ни отца, ни его собутыльников в квартире уже не было, они давно вместе ушли, и в этот раз мама не стала искать мужа. Вместо этого она занялась сыном, привела его в порядок, успокоила и накормила, потом принялась за уборку.

Илья вернулся только вечером следующего дня, был помятым и хмурым. Он молча прошел на кухню, что-то быстро поел и отправился спать, потребовав от жены, чтобы она разбудила его в половину восьмого утра. На сына он даже не взглянул и вообще стал относиться к нему с какой-то брезгливостью. Даже сегодня, когда Володя захотел его взять за руку, Илья не позволил ему этого, и мальчику пришлось бежать по пешеходному переходу, чтобы не отстать от отца.

Иногда Володя с ужасом думал, что было бы с ним, если бы у него не было мамы. Прогоняя такие мысли, он даже помотал головой: нет, это невозможно даже представить. Так не должно быть никогда. Все, что угодно, только не это.

Словно почувствовав, о чем думает сын, Ольга вошла в кухню, где Володя ждал её.

– Ну что, сынок, будем ужинать? Сейчас я разогрею супчик и сделаю бутерброды с колбаской.

– Колбаску папа уже съел, – сказал ей Володя. – И мясо из супа тоже. А я поел немного хлеба и чуть-чуть супа, только он совсем холодный.

– Ну ничего, – Ольга села на стул и привлекла к себе сына. – Суп я сейчас разогрею, а бутерброды мы поедим и с маслом, правда? Зато потом я заварю свежий чаёк, и мы с тобой полакомимся нашим любимым тортиком.

– А папа? – Володя обернулся на дверь.

– А папа, – улыбнулась Ольга, – уже колбасы наелся. Вот и пусть спит.

Вот только улыбка её была совсем не веселой.

– Мам, а что у тебя со щекой? – мальчик показал на нее пальчиком.

– Это? – Ольга осторожно коснулась своего лица. После пощечины, которую ей только что влепил муж, щека пылала огнем, но она нашла в себе силы улыбнуться: – Я просто рассердилась и раскраснелась. Вот и все. Ну что, давай кушать и за уроки?

– Давай, – согласился мальчик.

Он больше не стал спрашивать мать, почему она грустит, потому что и так знал это. Отец не любил их и всегда показывал свою нелюбовь. Тысячу раз мальчик слышал от него:

– Уйди! Отстань! Пошел вон! Не мешай!

Володе казалось, что его отцу вообще все всегда мешают. Ему мешала мама, мешал сын, мешали соседи, мешала работа и начальники, которые не хотели платить ему больше. Так говорил сам отец и, замечая его плохое настроение, мальчик с самого раннего детства учился отцу не мешать. В отличие от других детей он не ходил с папой гулять, папа не катал его на плечах. В детстве Володи не было ничего, что могло бы сказать о любви отца к нему. Наоборот, с ним у мальчика были связаны только самые темные, тяжелые и неприятные события.

Мама пыталась сгладить все углы и много раз просила мужа быть ласковей с ребенком и уделять ему внимание.

– Я тебе не баба, сопли и слюни распускать! – отвечал ей Илья, – не девочку воспитываешь.

– Но Володя же маленький, ему поиграть хочется! – вздыхала Ольга.

– Подумаешь! – пожимал плечами Илья. – Мы выросли безо всяких телячьих нежностей! И нормальными мужиками стали. А ты мне тут какую-то девочку растишь!

Однажды, Володе тогда было четыре года, мама задержалась на работе и забрала его из детского сада самым последним. Отец был уже дома. Он приходил с работы намного раньше, но о том, чтобы он сходил в садик за сыном, никогда не было и речи.

– Нарожала, нянчись! Ребенок – это обязанность жены, а не мужа.

– Ну и обойдусь, – махнула рукой на мужа Ольга.

В тот вечер они шли с Володей домой в какой-то особой, сказочной атмосфере. На землю уже опускались сумерки, делая привычные предметы: деревья, качели, заборы – какими-то удивительными и таинственными. Но Володя видел, что мама чем-то расстроена. Она старалась держаться и даже улыбалась. Но улыбка выходила какая-то странная, нервная. А ему так хотелось отвлечь маму, поддержать ее.

– Мама, а давай сказку сочинять, – предложил он ей.

Ольга тайком вздохнула. Ей казалось, что сын еще маленький и не понимает, как она себя чувствует. Как она волнуется, как боится идти домой, как судорожно прокручивает в голове то, что может произойти сегодня. Она натянуто улыбнулась сыну и проговорила:

– Давай, сынок! О чем будет наша сказка?

– Обо мне! – подпрыгнул на месте Володя.

Ему очень нравились мамины сказки. В них всегда он был главным героем, то мальчиком, то мышонком, то зайчиком или котиком. Мама на ходу придумывала удивительные приключения и всегда позволяла сыну фантазировать вместе с ней. В такие моменты Володя раскрепощался и из застенчивого и скромного мальчика превращался в активного и любознательного ребенка. Даже его легкое заикание исчезало без следа.

– У вашего сына легкое отставание в развитии, – строго выговаривал матери логопед в детском саду. – Он замкнут и не общителен. Надеюсь, вы понимаете, что со временем ему могут понадобиться специалисты психиатрии.

Ах, если бы этот самый логопед видел её сына сейчас, когда он так ловко и быстро поддерживал её фантазии, предлагая неожиданные сюжетные повороты. Воодушевленно рассказывая сказки, мальчик сам не замечал, что переставал заикаться, произносил почти все буквы и правильно называл животных и предметы.

– И тогда я поднялся на высокую гору, чтобы победить злого дракона, который напал на меня! Раз! Раз! Я взмахнул моим волшебным мечом, и дракон свалился в пропасть.

– Ух ты, как интересно! – улыбнулась Ольга. – Ты очень смелый мальчик, сынок. А как звали твоего дракона?

– Илья, – сорвалось с губ ребенка, прежде чем он подумал, что говорить это не стоит.

В самом деле мама нахмурилась, её улыбка растаяла, а лицо даже немного потемнело:

– Не надо так говорить, сыночек. Папа у нас не такой. Он просто... просто...

Она не нашла слов и к дому они подошли молча.

Открыв дверь в квартиру, и пропуская вперед сына, Ольга сразу же почувствовала едкий запах сигаретного дыма и спиртного. С кухни доносились громкие «умные» речи – муж пригласил к себе друзей и теперь отдыхал в их компании после трудового дня. О том, что день был трудовым не только у него, он не думал.

Ольга вздохнула: сколько она старалась убедить себя, что так живут все, что ей досталась не самая плохая партия, что муж работающий, хороший специалист, что его ценят и уважают на работе. Последние аргументы старательно вбивал ей в голову сам Илья. Настолько старательно, что она и сама поверила, будто это были её мысли. Но вот эти его пьянки... Как же она от них устала!

Ольга подтолкнула сына к комнате и сама неслышно проскользнула за ним, плотно прикрыв за собой дверь. Кажется, Илья не услышал, что они пришли и это очень хорошо. Она переодела Володю и аккуратно развесила его вещи на спинке стула, чтоб утром он сам собрался, когда проснется. Мальчик рос очень аккуратным, чем радовал мать, но почему-то очень сильно раздражал отца. Тот в этой аккуратности видел «бабское влияние». По его мнению, мужик должен быть мужиком – с черными от работы руками, щетиной и грязной обувью. То есть, всем своим видом демонстрировать умение работать и работать хорошо.

Они сидели тихо-тихо, прислушиваясь к тому, что творится в их квартире и оба вздрогнули, когда тяжелые шаги отца остановились возле их двери. Еще через секунду она распахнулась:

– Явились, наконец. Ты где шлялась, бесстыжая?

– На работе, где же еще?! – пожала плечами Ольга.

– Да? И как? Нароботалась? – криво усмехнулся Илья.

– Что ты хочешь от меня? – устало спросила она его.

– Иди на кухне приберись, и пожрать что-нибудь приготовь. У меня уже кишки от голода сводит, – буркнул Илья и вышел, даже не взглянув на сына.

Володе отчаянно не хотелось, чтобы мама сейчас шла туда, и он вцепился обеими ручонками в рукав её платья.

– Мама, подожди, расскажи мне сказку.

– Сейчас, сынок, – улыбнулась она ему. – Ты посиди и подумай, о чем она будет, а я приду, и мы вместе её сочиним.

– О мальчике, мама, – торопливо заговорил Володя. – О невидимом мальчике, которого никто не видел и не обижал.

Она не услышала его слов, погруженная в собственные мысли, а Володя вдруг почувствовал, как сильно бьется его сердце, предчувствуя беду. Он подошел к двери и прислушался.

Сначала ничего необычного не происходило. Пьяные голоса и топот ног раздавались то тише, то громче, вот хлопнула входная дверь. Потом что-то быстро и горячо заговорила мать, отец не ответил ей, но раздался звон бьющегося стекла. Потом еще какой-то грохот и тихий, словно придушенный вскрик матери.

– Зараза, – злобно шипел отец. – Я научу тебя мужа уважать, зараза такая. Позоришь меня перед друзьями!

Мать не отвечала, она только всхлипывала, но когда заметила, что Володя приоткрывает дверь, намереваясь выйти, бросилась к ней и прижала спиной, не позволяя сыну увидеть, как муж бьет её, злобно и методично нанося удары куда попало.

– Ты и в самом деле дракон, – прошептала она, падая на пол и закрывая лицо руками.

Он протянул руку и резким движением поставил её на ноги:

– Умойся и иди, готовь жрать. Иначе я тебя... – Он снова взмахнул кулаком, но опустил его не на жену, а впечатал в стену. – Поняла?

Ольга кивнула и направилась в ванную комнату и, запершись там, горько заплакала, обмывая лицо холодной водой.

В тот раз Володя так ничего и не понял, но потом он уже не сомневался, что отец бьет его мать и всегда очень боялся за нее, но как ей помочь – не знал.

– Мам, а можно папа больше никогда не будет забирать меня из школы? – спросил он её, когда они, поужинав и напившись чаю с тортиком, приступили к урокам.

– Хорошо, сынок, – Ольга потрепала сына по голове и улыбнулась: – Ну, давай, показывай свою задачу, попробуем её победить.

– Вот эта, про яблоки, – ткнул пальчиком в учебник Володя.

Мама внимательно прочитала условие и быстро объяснила сыну, как она решается.

– А-а-а, – рассмеялся мальчик, – так это же так просто. Два яблока осталось у Пети, правильно, мама?

– Умничка мой, – похвалила сына Ольга. – Вот видишь, самое главное – просто внимательно читать условие и представлять все. Правда же?

– Правда, – кивнул мальчик и прижался к матери: – Мам, а давай уйдем с тобой от папы, и никогда-никогда не будем возвращаться к нему.

– Куда нам уходить, сынок? – вздохнула Ольга. – Мы же семья.

– Семья, – эхом повторил Володя, но в первый раз в жизни не поверил матери.

Анна Тихомировна, мать Ильи и бабушка Володи, тоже не считала Ольгу и маленького внука своей семьей.

– Не мог найти себе кого-нибудь попримечнее, чем эта детдомовка? – выговаривала она сыну, когда он впервые привел Олю к себе домой. Девушка стояла в двух шагах от будущей свекрови, слышала её слова и сильно смутилась, но Анна, заметив это, и бровью не повела. Она сверлила её ненавистным взглядом и отвернулась, только когда услышала звонкий голос старшей невестки, Ирины:

– Господи, Боже мой! А кого вы хотели для своего любимого Илюши? Принцессу или сразу королеву?

– Помолчи! – через плечо бросила ей Анна Тихомировна, но Ирина только рассмеялась и, подперев руками бока, сказала Ольге:

– Добро пожаловать в семью! Свекровка нам с тобой досталась та еще, кровь пьет ведрами. Но это я замужем за её старшим, нелюбимым сыном, Игорем. Вот она и злится. А тебе, наверное, очень повезло. Илюшеньку она обожает, он же младшенький, к тому же её настоящая копия. Будет тебя на руках носить.

– Замолчишь ты или нет? – воскликнула Анна, со злостью глядя на старшую невестку, но та тоже была не лыком шита и не уступала свекрови твердостью характера.

– Не собираюсь я молчать! – огрызнулась она. – И ты, Олька, тоже ей свои зубы показывай, а иначе она тебя с потрохами сожрет!

Анна Тихомировна неожиданно сдалась и махнула рукой на скамейку, стоявшую у стола:

– Ладно, в ногах правды нет. Садитесь уже, раз пришли, чего стоять-то? А ты, Ирка, хватит зубы скалить, иди лучше чайник поставь. И пирожки неси.

– Давайте я вам помогу, – востропнулась Ольга. – Она была готова убежать куда угодно, даже провалиться сквозь землю, лишь бы быть сейчас отсюда подальше.

– Ну, ко мне-то можешь обращаться на ты, – рассмеялась Ирина. – Я не фифа какая-нибудь, так что зови меня просто Ира.

Они прошли на кухню, и Ирина стала ловко собирать посуду, а Ольге показала на миску с пирожками:

– Бери её и чайник включи. Чай пить будем прямо там, во дворе, под яблоней. Только не вздумай садиться во главе стола, это место свекрови, она же в семье верховодит, считает себя главной и мальчишки всегда ей во всем подчинялись. Моего Игорька она терпеть не может, потому что он на своего отца похож. Я по фотографии видела, действительно копия. Там у них какая-то мутная история была. Анна никому не рассказывает об этом, но мне соседки рассказывали, что родители её выдали замуж насильно.

– Ну где вы там? – на пороге кухни появилась Анна Тихомировна. – Пошли уже за стол, нечего тут зубы полоскать. Ирка, сахарница где?

– Вот, я её взяла, – улыбнулась Ольга. – И пирожки.

– Ну и неси, что встала-то, – грубо ответила ей будущая свекровь.

Ольга вся сжалась внутри. В её душе уже поселился тот страх перед этой женщиной, от которого она так никогда и не смогла избавиться.

Немного позже, за столом, Анна Тихомировна приступила к Ольге с расспросами:

– Ты хоть совершеннолетняя? Выглядишь на семнадцать.

– В прошлом месяце исполнилось девятнадцать, – сказала Оля.

– Понятно. Значит, ты выросла в детском доме, да? За что же родители отказались от тебя? Ты болела, что ли? Или они были пьяницами? И где они сейчас? Надеюсь, к нам не заявятся, а то я за себя не ручаюсь. Терпеть не могу всякую шушеру.

– Нет, папа и мама не придут, они умерли, – ответила Ольга. – Папы не стало, когда мне было девять лет, он утонул в реке. А мама умерла за несколько месяцев до моего пятнадцатилетия. После похорон меня увезли в детский дом, потому что близкой родни не осталось, а тети, которых я видела впервые в жизни, не захотели брать на себя ответственность за меня. Так и получилось, что я несколько лет провела в интернате. Ну и из родни у меня никого нет.

– Хм, понятно. А квартира у тебя есть? – продолжала расспросы Анна Тихомировна.

– Да, двухкомнатная, – кивнула девушка. – От родителей досталась. Сейчас я там живу.

– Ну, это хорошо. Будем её сдавать, – тоном, не терпящим возражений, сказала Анна. – А жить будете у меня.

– Но я учусь, – попыталась возразить Ольга. – И Илюша тоже.

– Вот именно, – одернула её свекровь. – Тоже мне, семейка. Должен же за вами кто-то присматривать! В общем, так. Как я сказала, так и будет.

Ольга посмотрела на Илью, и тот пожал плечами:

– Ну а что, до города ехать всего сорок минут. Будем вставать пораньше, вот и все.

– Так, с этим решили, – кивнула Анна и повернулась к смущенной невесте младшего сына. – Теперь давайте про вашу свадьбу. Хочешь все сделать за мой счет? У тебя ведь денег нет?

Ольга снова взглянула на любимого, и тот понял её взгляд:

– Да нам не надо никакой свадьбы, мам. Просто распишемся и все. Заявление-то уже подали. Не забирать же его назад.

– А вот позорить меня перед односельчанами не надо, – хлопнула ладонями по столу Анна. – Ладно уж, никто мне не виноват, что не сумела воспитать сыновей как надо. Что один выбрал себе, не пойми кого, что другой.

– Ничего себе, – всплеснула руками Ирина. – Вообще-то, я дочь зоотехника, уважаемого человека. И вы сами плясали вокруг моих родителей, чтобы они отдали меня за вашего

Игоря. Сватов присылали. Радовались, когда мои родители нам на свадьбу дом подарили, а сами только чайный сервиз принесли. А теперь я – не пойми кто?

– Да если б я знала, что ты такая язва, в жизни бы не согласилась, чтоб ты стала женой Игоря. Тоже мне, нашлась звезда! – ответила ей Анна. Потом повернулась к Ольге: – Ладно, сама свадьбу сыграю, все-таки мой сын женится, а не абы кто!

Этот кошмар Ольга запомнила навсегда. Столы поставили под открытым небом, гости сидели на скамейках, застеленных половиками, и то и дело заставляли жениха и невесту целоваться. А потом пили мутный теплый самогон и, размахивая руками, плясали под гармонь одноногого соседа-старика, который пил не меньше других.

Ольга брезгливо смотрела на рои мух, кружившихся над тарелками с едой, и не могла заставить себя проглотить ни кусочка. А еще ей было неприятно целоваться с Ильей под глумливые шуточки его подвыпивших односельчан.

– Что ты с таким видом сидишь, как будто тебя насильно за меня замуж отдали? – не выдержал в конце концов Илья. – Оpozорить меня хочешь?

– Нет, Илюша, что ты! – она дотронулась до его руки. – Просто я не знала, что все будет именно так. Я не хотела. Можно я пойду в комнату и немного отдохну. Хоть полчаса. Все равно все уже пьяные и никто не обращает на нас внимания.

Она поднялась, но Илья дернул её за руку, снова усаживая рядом:

– Сиди! Пойдешь отсюда, когда я скажу. Видишь, мать на нас смотрит. Так что давай, улыбайся!

Их разговор услышал двоюродный брат Анны, Федор.

– Правильно! – кивнул он давно не стриженной головой. – Ты, Илюха, сразу ей должен показать, кто в доме хозяин, а то потом будет поздно.

А Анна, стоя в сторонке, с ненавистью смотрела на невестку, но видела не её, а себя много лет назад. Их с Василием свадьба проходила точно также и на этом самом месте. Только вместо этой малахольной Ольги была она сама, живая и подвижная семнадцатилетняя девчонка Анютка.

Тугие, заскорузлые вожжи хлестнули Анну по обнаженной спине, и девушка рванулась к матери, надеясь избежать нового удара от обезумевшего от ярости отца.

– Мама!!! Пожалей меня! Убьёт ведь меня тятенька!

– Так тебе и надо, гулёшке деревенской, – назидательно проговорила мать, отталкивая дочь от себя.

Они все трое находились в старой конюшне, куда Тихомир и Ульяна привели дочь, чтобы воспитать её. Хотя воспитывать было поздно. Уже неделю мать наблюдала за ней и хмурилась, а когда напрямую спросила Анну, не понесла ли она, та, разрыдавшись, бросилась ей в ноги:

– Мама, прости меня! Не уберегла я себя. Прости! Только отцу не говори, убьёт он меня!

Вместо жалости к неразумной дочери, Ульяна схватила её за волосы и принялась трепать из стороны в сторону:

– Ах ты, паскудница! Оpozорила всю семью! С кем нагуляла? С кем, спрашиваю! А ну-ка отвечай!

Анна только рыдала и не могла произнести ни слова. А когда в дом вошел отец, вырвалась из рук матери и забилась в угол. Она знала, что он, скорый на расправу, ни за что не простит её.

Если бы деревенские подружки увидели её сейчас, ни за что бы не узнали в растрепанной, испуганной девушке, сжавшейся в комок, первую хохотушку и неугомонную красавицу-певунью Анютку. Да и ей сейчас было не до песен. Только об одном она думала, как бы от тяжелых побоев не вырвалось из её груди любимое имя Ванечка.

Ивана, стройного зеленоглазого парня, Анна полюбила, когда ей едва исполнилось пятнадцать лет. Он приехал в их деревню, чтобы ухаживать за больной бабушкой и помогать ей

по хозяйству. И однажды теплым летним вечером, когда Ваня пришел на речку, чтобы искупаться, увидел там Анну. Она как раз выходила из воды, красивая, длинноволосая, похожая на русалку. Белая сорочка облепила её рано сформировавшееся тело и Иван не смог отвести взгляда от острой девчоночьей груди.

– Ой! Ты кто? Отвернись сейчас же! – воскликнула девушка, прячась за кустами, – а то я людей кликну!

– Не надо, не бойся, я тебя не трону, – пообещал он, отворачиваясь. – Я просто всегда купаюсь в этой заводи и не знал, что тут будет кто-то еще.

– Я тоже, – ответила девушка, торопливо натягивая на мокрое тело платье. – Ну все, поворачивайся. Меня Аней зовут, а тебя?

– А я Ваня.

Потом они долго сидели на траве и разговаривали обо всем на свете. Иван рассказал, что живет с родителями в соседнем районе, и они попросили его присмотреть за бабушкой, пока школа на каникулах.

– Останешься здесь подольше? – внезапно спросила Анна. Она вдруг поняла, что Ваня не похож на тех парней, кого она знала раньше, и сердечко невольно забилось сильнее, когда она заглянула в глаза парня.

И Ваня остался до осени. Потом ему пришлось, конечно, уехать, но он всегда находил возможность, чтобы приехать к своей любимой и побыть с ней хоть немного. Больше двух лет они встречались тайком, и никто не догадывался об этом. У влюбленных было несколько укромных местечек для свиданий. Летом в их распоряжении была речка и весь лес, а когда наступали холода, они прятались под крышей большого колхозного сеновала, который стоял невдалеке от деревни. В мягком, душистом сене им было по-особенному тепло и уютно, и Анна любила дожидаться Ваню именно здесь.

Иван оказался серьезным парнем и ничего, кроме объятий и поцелуев себе не позволял, но однажды осенью, когда они снова устроились в облаке пахнущего летом сена, он крепко прижал любимую к себе:

– Долго мы теперь не увидимся, Анюта.

– Почему? – она приподнялась и испуганно посмотрела на него. – Через полгода мне исполнится восемнадцать, и мы поженимся, ты же обещал!

– В армию меня забирают, – ответил он и поправил прядь волос, упавшую на лоб девушки. – Завтра нужно быть уже в военкомате. Анюта, милая! Я к тебе проститься приехал. И спросить, ждешь-то ты меня будешь?

Вместо ответа она, рыдая, забила в его объятиях. Он, утешая её, стал целовать, прижимая к себе все крепче и крепче, а когда она ответила на его поцелуй, уже не смог остановиться. До позднего вечера они были вместе и Аня, словно предчувствуя, что больше не увидит своего Ванечку, со всей своей страстью дарила ему любовь и ласку, чтобы он никогда не смог ее забыть.

Ах, сколько слез пролила девушка, когда Ваня уехал. Он не мог даже написать ей, потому что тогда все бы узнали об их чувствах, а этого никак нельзя было допустить. Слишком много надежд возлагал на свою дочь Тихомир, чтобы отдавать её за бедного парня. Поэтому, прощаясь, Ваня и Анна договорились, что как только он отслужит и приедет за ней, они сбегут и тайком от всех поженятся. Тогда родителям придется смириться с выбором дочери, и они ничего не смогут с ней сделать.

Вот только вышло все не так. После отъезда Вани прошло несколько недель, когда Анна, бледнея от страха, стала замечать на себе долгие внимательные взгляды матери. Девушка уже знала, в чем её вина, и ночами поливала подушку слезами, понимая, что никто не может ей помочь. Но даже не догадывалась, чем для нее обернется её такая короткая любовь.

Как-то утром Анна, осунувшаяся за последние дни, с синими тенями под глазами, торопливо вышла из-за стола, пробормотав, что хочет принести свежей колодезной воды. А когда вернулась, столкнулась с матерью, которая стояла, подперев руками бока:

– Ты что, понесла? – спросила Ульяна дочь ледяным тоном. – Дошлялась, да, зуделка несчастная?

– Мама, прости меня! – бросилась к ней в ноги рыдающая девушка. – Не уберегла я себя. Мама! Прости! Только отцу не говори, убьет он меня!

Вскрикнув от негодования, Ульяна схватила дочь за волосы и принялась трепать из стороны в сторону, приговаривая и награждая её тычками:

– Опозорила всю семью! С кем нагуляла? С кем, спрашиваю! А ну-ка отвечай!

Но Анна молчала и тогда Ульяна позвала мужа. Вместе они отволокли упирающуюся дочь в конюшню и отец, холодный, равнодушный и молчаливый, снял со стены вожжи, которые в прошлом году купил на базаре.

Анна не сразу потеряла сознание. Крепкая, здоровая девушка только прикрывала руками голову и живот, пытаясь защитить крошечную жизнь, зародившуюся в ней. И это еще больше вызывало ярость её отца. А мать, сложив руки на груди, молча стояла и смотрела на его издевательства над дочерью.

– Говори, кто испохабил тебя? – задыхаясь, кричал Тихомир. – С кем шлялась? Говори, а то убью!

Но Анна только мотала головой и крепче сжимала губы, потому что знала, если она проговорится, её любимому не жить. Через час избитая, вся в синяках и кровоподтеках, Анна уже ничего не соображала. Она не понимала, куда её везут, чьи лица склоняются над ней, что ей говорят. Она только стонала и все хваталась руками за свой живот, но предательская, тягучая темнота медленной болью наполнила её тело и девушка обмякла на руках своих мучителей.

Когда Анна снова открыла глаза, рядом с ней сидела её мать, скорбно сложившая руки на коленях:

– Ну вот и все, доченька, – мягко и ласково заговорила Ульяна. – Теперь все будет хорошо.

Она протянула руку, чтобы погладить Анну по голове, но та отшатнулась, чтобы не позволить ей этого и тут же закричала от боли, прострелившей все её тело. Мать поняла это и сказала тихо и успокаивающе:

– Ну-ну, не надо так. Болеть скоро перестанет, бабка Петруниха свое дело знает, не одной девице она помогала избавиться от греха. А ты у меня крепкая, на здоровье никогда не жаловалась, значит, выдюжишь. Пока тебе придется, правда, здесь остаться, ну да я за тобой присмотрю, ты не переживай. А про то, что случилось, никто никогда не узнает. И ты тоже забудь.

По щекам Анны потекли слезы. Теперь она уже знала, что сделала с ней старая повитуха Петруниха. Никогда у нее, Анны, не будет ребеночка от любимого Ванечки, никогда он не простит её за то, что она не смогла его уберечь.

Только через два месяца Ульяна привезла Анну домой и отец, окинув её хмурым взглядом, усмехнулся в начавшую сесть бороду:

– Что, кобыла, оправилась? Ну-ну. Вы, бабы, живучие как кошки. А если что, вожжи у меня знаешь, где висят. Хотя, теперь это будет дело твоего мужа.

– Какого мужа?! – попяtilась от отца Анна.

– Обыкновенного, – растянул он губы в насмешливой улыбке. – Не знаешь что ли, какие мужья бывают? Что глаза-то отводишь?

Анна повернулась к матери:

– Мама?

– Василий-конюх согласился жениться на тебе, – радостно сообщила та. – Отец с ним уже и по рукам ударил.

Глаза Анны наполнились слезами:

– Мама!!! – взмолилась она. – Да за что же вы так со мной...

В молодости Василий и в самом деле был конюхом, но постепенно это дело стало приносить ему доход. Он купил где-то породистого жеребенка и вырастил его, потом привез ему пару кобыл. Сейчас у Василия был собственный табун лошадей, и он считался лучшим заводчиком в округе, даже с лучших конных заводов приезжали к нему за жеребьями. Но местные продолжали называть его «конюхом», и он нисколько не обижался на это, хотя характер у него был вспыльчивый и злобный.

Василию было уже далеко за тридцать, и он успел загнать в гроб двух жен, потому что нещадно избивал их за любую провинность. От первой жены у него была дочь, но после смерти матери её забрала к себе бабушка и никто девочку в деревне больше не видел. Сам Василий тоже не стремился к общению с ней, он хотел сыновей, а дочь ему была просто не нужна.

И вот, теперь, после нескольких лет вдовства, Василий решил жениться на Анне, тем более что часто выпивая с отцом девушки, то и дело прилипал масляными глазками к её красивой, пышной фигуре.

Услышав о том, кого отец выбрал ей в мужа, Анна похолодела. Она даже решила, что лучше наложит на себя руки, чем позволит этому случиться, но отец, словно поняв, о чем думает его дочь, на несколько дней запер её в чулане на хлебе и воде. А когда открыл дверь, и она вышла, шурясь на солнце, бросил ей свадебное белое платье и фату:

– На, надевай. Через час жених приедет за тобой.

Обессиленная, раздавленная Анна послушно выполнила требование отца, а когда в подвенечном платье вышла во двор, увидела длинные накрытые белыми холстами столы, за которыми сидели смеющиеся, пьяные гости.

Вдруг кто-то дернул её за руку, она обернулась и увидела ухмыляющееся лицо Василия:

– Ну что, жена, давай, покажи, как любишь своего мужа.

Вместо ответа она закрыла лицо руками. Через полчаса их расписали сельском совете и застолье продолжилось. Василий много пил и потом дышал в лицо невесте отвратительным перегаром, её мучило и просто хотелось, чтобы это все скорее закончилось.

– Что ты сидишь как на похоронах? – склонился к ней Василий, когда какой-то гость снова стал кричать о том, что ему горько. А потом больно укусил за губу.

Анна вскочила и бросилась бежать. Ноги сами несли её к реке, туда, где она впервые увидела Ивана.

– Утоплюсь! Утоплюсь, – билось в мозгу у девушки, – и тогда он поймет, поймет и простит, когда узнает...

Она на бегу сорвала с себя фату и бросила её под ноги, скинула и туфли. Но когда на минуту остановилась на берегу, чей-то сильный удар сбил её с ног. Анна упала и тут же её перевернули на спину, а к лицу наклонилось ненавистное лицо мужа, который рвал на ней платье.

– Нет, нет, – рыдала Анна, – только не здесь...

Потом, она, униженная, раздавленная, опустошенная и покорная, плелась домой вслед за мужем, понимая, что он её сломил и никакого спасения от него ей теперь не будет.

За те долгие, бесконечно долгие десять лет, что Анна прожила с Василием, она постарела вдвое и научилась ненавидеть жизнь. Она с ненавистью смотрела на молодых, красивых девушек, потому что они выходили замуж по любви и один за другим заводили малышек. Отказалась от родителей, которые к старости стали болеть и нуждались в её помощи. Не любила своего собственного первенца, ведь он так был похож на Василия... И Ваню Анна тоже теперь ненавидела. Когда он вернулся после армии домой, она хотела встретиться с ним, хотела объ-

ясниться. Но он не стал её даже слушать и уехал. А через полгода она случайно узнала, что он женился.

И снова потекли безрадостные годы. Василий бил жену, издевался над ней, заставлял много работать, а сам гулял от нее направо и налево, нисколько не стесняясь того, что она это знала. И только когда Анна снова забеременела, немного успокоился.

– Сына еще одного давай, – заявил он ей. – А если будет девка, на одну ногу тебе наступлю, а вторую дерну. Попролам разорву, поняла?

Анна поняла. Она знала, что её муж никогда не шутит.

Как-то морозным зимним вечером, Анна тогда уже была на шестом месяце, Василий, изрядно выпив, услышал шум в конюшне. Он совсем недавно купил нового жеребца и тот все никак не мог привыкнуть к стойлу. Василий бросил жене:

– Ну что расселась? Иди, глянь, что там.

Она тяжело поднялась с дивана, сидя на котором вязала мужу свитер, и, схватившись за поясницу, невольно охнула.

Василий поморщился, словно только сейчас увидел её огромный живот:

– Сядь уже, каракатица! Сам схожу... У-у-у, навязалась на мою голову, торба неповоротливая...

Он ушёл, и Анна слышала, что ему никак не удастся успокоить жеребца. Потом стали беспокоиться и другие лошади. А муж все не появлялся. Анна подошла к окну и раскрыла его. Морозный воздух обжег ей лицо, а ветер донес со стороны конюшни тихий стон. Она прислушалась и поняла, что это Василий зовет её.

Не привыкшая спорить с мужем, она надела теплый тулуп и направилась к конюшне, а когда открыла тяжелую, массивную дверь, сразу поняла, что произошло. Жеребец выбил дверь в своем стойле, но с привязи сорваться не смог. И когда пьяный Василий подошел, чтобы успокоить его, взбесившийся конь, не выносивший запаха спиртного, лягнул его копытом и сбил с ног.

Когда Анна подошла ближе, Василий протянул к ней руку, но говорить уже ничего не мог. По его лицу струилась кровь, а в глазах была мольба. Анна наклонилась к мужу и... улыбнулась ему, а потом выпрямилась и полной грудью вдохнула холодный воздух, наполненный резким запахом конюшни. Но она точно знала, что так пахнет долгожданная и такая сладкая свобода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.